

**Кылмыш менен келтирилген зыяндын атайын фонддор тарабынан
ордун толтуруу**

**ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ
ЧЕРЕЗ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ФОНДЫ**

**Compensation of harm caused by the crime through
special funds**

Аннотация: макалада кылмыш менен келтирилген зыяндын ордун толтуруунун көйгөйлүү суроолору каралган.

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением.

Annotation: the article considers topical issues of compensation of harm caused by the crime.

Негизги сөздөр: кылмыш-укуктук таасир этүү чарасы; өз ыктыяры менен келтирилген зыяндын ордун толтуруу; жазык ишиндеги жарандык доо; атайы фонддор.

Ключевые слова: мера уголовно-правового воздействия; добровольное возмещение причиненного вреда; специализированные фонды.

Keywords: the measure of criminal and legal impact; voluntary compensation for harm; a civil claim in criminal proceedings; specialized funds.

Признавая человека, его права и свободы высшей ценностью [1], государство, тем самым, должно обеспечить условия их защиты от противоправных посягательств, а в случае их нарушения – скорейшее восстановление. Особую актуальность восстановительный процесс имеет в сфере уголовного судопроизводства, когда совершенным преступлением нарушаются имущественные и (или) личные неимущественные права граждан. Нельзя считать полностью выполненными задачи, стоящие перед органами расследования и судом, если при производстве по уголовному делу не разрешен вопрос о возмещении имущественного ущерба, причиненного преступлением. Таким образом, возмещение вреда, причиненного преступлением, является одним из важнейших направлений в деятельности органов предварительного следствия и суда.

В отчетах прокуратуры, МВД, Верховного суда и в информациях Минфина и Нацкомстата приводятся разные цифры о суммах причиненного и возмещенного ущерба. Так, например, в отчете генерального прокурора КР указано, что в 2014 году в производстве МВД КР, которые расследуют дела против жизни и здоровья человека, кражи, грабежи, разбои, мошенничества и другие имущественные преступления, находилось – 32 683 уголовных дел, по которым был определен ущерб на общую сумму – 7 327 072 сома, из которых было возмещено лишь 37,5 %. Что касается, в части возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями коррупционного характера (коррупция, злоупотребление служебным положением, взятка и т.п.), по предварительной оценке размер ущерба составляет – 886 365 046 сомов, из которых было возмещено – 148 075 766 сомов, или 11,7 % [2]. В то же время, по данным Верховного суда Кыргызской Республики за аналогичный период времени, материальный ущерб, причиненный государству определен на сумму – 462 888 694 сом, из которых, до постановления приговора было возмещено – 51,2 % [3, с. 134]. Открытых статданных по ущербу, причиненному преступлениями рядовым гражданам, отсутствуют. Таким образом, вышеотмеченное

позволяет нам заключить, что имущественные интересы как граждан, пострадавших от преступлений, так и государства, не имеют первостепенного значения для следственных и судебных органов. Данные о суммах причиненного и возмещенного ущерба в разных государственных органах разнятся.

В подавляющем большинстве случаев для пострадавших от преступлений, первостепенно возмещение причиненного ущерба.

Потерпевшие, в первую очередь, желают вернуть похищенное, восстановить испорченное, возместить расходы на свое лечение и т.д. Учитывая изложенное, законом от 31.07.2012 г. № 145 Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Кыргызской Республики были дополнены нормами, согласно которым, подозреваемый, обвиняемый подлежит в обязательном порядке освобождению от уголовной ответственности по преступлениям небольшой тяжести и менее тяжким преступлениям, если он примирился с потерпевшим и возместил причиненный им ущерб. Заметим, также, что ранее, согласно закону от 25.06.2007 г. № 91, при этих же условиях, вопрос освобождения от ответственности оставался на усмотрение следователя, суда с учетом личности преступника и других обстоятельств уголовного дела.

Однако забота законодателя об имущественном интересе пострадавшего от преступления и попытка исключить так называемые коррупционные нормы, имеются ввиду разного рода усмотрения следователя, прокурора, суда, при принятии ими решения, породило другую, более коррупционную составляющую. Так, в правоприменительной практике на основании «встречного» заявления потерпевшего прекращаются дела еще официально не начатые (т.е. материалы, по которым приняты решения об отказе возбуждении уголовного дела, доля которых в 2014 г. составила – 67 % от общего числа зарегистрированных заявлений, сообщений о происшествиях), а также уголовные дела, уже находящиеся на стадии производства следствия и суда. Имеются факты прекращения дел по грабёжам, разбоям и даже по насильственным преступлениям в отношении детей. При «большом» желании, тяжкие преступления переквалифицируются на менее тяжкие, которые в свою очередь, можно прекратить в связи с примирением и возмещением ущерба. Однако при каких обстоятельствах пострадавший пишет «встречку», следствию не важно, причины не устанавливаются, что не исключает случаев применения угроз, шантажа, обмана со стороны подозреваемого, обвиняемого, и/или его сообщников. Не исключены также случаи, когда, преступник, легко уйдя от заслуженной ответственности идет к новым жертвам, зная, что, дело можно «решить» положив на стол следователя «встречное» заявление пострадавшего. В связи с этим, в практической деятельности встречаются не мало случаев, когда потерпевшие после прекращения таких дел требуют возобновления производства, например, в связи с невыполнением подозреваемым, обвиняемым ранее взятых на себя обязательств по возмещению ущерба. Тогда уже начинается долгий и нудный процесс по возобновлению дела. Учитывая изложенное, в проекте УПК КР предусмотрен порядок прекращения дела в связи с примирением сторон, которое возможно путем составления процессуального соглашения, а также процессуальный порядок возобновления такого дела. Таким образом, стимулирование на добровольное возмещение ущерба потерпевшему от преступления становится менее эффективным.

В проекте УК КР, разработанного в рамках судебной реформы не предусмотрено освобождение от уголовной ответственности за возмещенный ущерб, но оно служит смягчающим обстоятельством [4]. Полное освобождение от ответственности в связи с возмещенным ущербом и примирением сторон возможно, если лицо совершило проступок, к категориям которых также отнесены преступления небольшой тяжести. На практике сложилась ситуация, если осужденный получил судом наказание, то он уже считает не обязанным возмещать ущерб, поскольку, по его понятиям он уже «страдает» за содеянное. Чтобы исключить такие понятия, в проекте УК КР заложено новое положение

принудительного возмещения ущерба, согласно которому, суд применяет к виновному меру уголовно-правового воздействия как возмещение причиненного вреда, что будет способствовать обеспечению имущественных интересов потерпевшего принудительной силой государства, и являться частью уголовной ответственности. Кроме того, по мнению разработчиков эта норма служит реальным подтверждением уважения к жертвам преступлений со стороны закона, государства, и позволило бы избавиться от оскорбительной и изнуряющей процедуры доказывания своих прав на возмещение причиненного вреда в порядке гражданского иска в уголовном процессе, или, что еще «хуже», искового требования в порядке гражданского судопроизводства.

В действующем УПК КР гражданский иск потерпевшего – практически единственный правовой способ принудительного возмещения вреда, причиненного преступлением. Однако следует признать, что на практике гражданский иск в уголовном деле во многом остается декларативным и неэффективным по следующим причинам: следователи крайне редко принимают должные меры по обеспечению гражданского иска; как правило, гражданский иск потерпевшего остается не разрешенным судом в рамках уголовного судопроизводства; в республике более 60 % из всех зарегистрированных преступлений – это преступления против собственности (кражи, грабежи, мошенничества и др.), основная часть лиц, совершающих такие преступления составляют малоимущие слои населения. Как правило, они нигде не работают, вследствие чего взыскание ущерба в большинстве случаев не дает положительных результатов; нерешенным судьба гражданского истца на возмещение ущерба, причиненного преступлением остается в случаях, когда пострадавшему ущерб причинен невменяемым лицом, который не является субъектом преступления, а также при прекращении дела в связи со смертью подозреваемого, обвиняемого [5].

По мнению многих ученых-юристов и по опыту зарубежных стран обязанность по восстановлению нарушенных преступлением прав и интересов потерпевшего, в том числе и имущественных, в случае несостоятельности государства обеспечить их восстановление за счет причинителей вреда (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного), необходимо возложить на государство в лице специально созданного для этих целей государственного фонда помощи жертвам преступлений [6, с. 59]. В связи с этим, представляется примечательным то, что в Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики предусмотрено право потерпевшего получать за счет государства компенсацию ущерба причиненного преступлением (п. 20 ч. 1 ст. 50), т.е. если ущерб не возмещен осужденным, то потерпевший вправе рассчитывать на компенсацию причиненного ущерба со стороны государства. Однако, с одной стороны, когда законом предусмотрена такая государственная компенсация вреда, причиненного преступлением – это только одобряется, ибо возмещение вреда только с лица, ответственного за причиненный вред в ряде случаев, не представляется возможным. С другой же стороны, общеизвестно, что одного провозглашения права еще недостаточно для реального ее претворения в жизнь. И как показывает судебная практика, применение предписаний данной нормы УПК без учета возможности ее реализации приводит к тому, что эта норма оказывается неэффективной, а если быть точнее, – вообще недействующей. В этой связи справедливы слова В.П. Божьева: «в случаях, когда отдельные нормы УПК недействительны, для

законодателя существует лишь две альтернативы: либо отказаться от данных норм, исключив их из текста Кодекса, либо модифицировать их таким образом, чтобы они могли быть реализованы в уголовно-процессуальных правоотношениях» [7, с. 84]. Представляется, что когда право декларируется и не обеспечивается реально, это подрывает веру граждан в силу закона, в силу государства.

Основными причинами, ввиду наличия которых применение данной нормы закона невозможно, являются: неопределенность

Источников финансирования, из которых государство могло бы производить выплаты в счет возмещения вреда и отсутствие соответствующего процессуального механизма применения данной нормы. Решением первого основного вопроса, нам видится, в создании специального фонда помощи жертвам преступлений, пополняемого за счет назначаемых штрафов, тройных айыпов, средств от реализации имущества, конфискованного в судебном порядке, различных пошлин, сборов за судебные издержки, а также использования труда осужденных. В этой связи верными, на наш взгляд, представляются рассуждения Л.Г. Могилянского: «почему денежные средства, вырученные от реализации конфискованного имущества, взыскиваются в пользу государства, когда совершенным преступлением непосредственный вред причинен конкретному потерпевшему?» [8, с. 27]. Более того, еще одним источником пополнения фонда помощи жертвам преступлений могли бы быть денежные средства от залогов, обращаемых при нарушении их условий, в доход государства (ч.6 ст.109 УПК КР).

Таким образом, с учетом изложенного, полагаем, что денежных средств, выручаемых от штрафов, тройных айыпов, реализации конфискованного имущества, залогов, а также использования труда осужденных было бы вполне достаточно для возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением. Было бы целесообразно, за государством, выплатившим потерпевшему компенсацию за причиненный ему преступлением вред, закрепить право предъявления к лицу, причинившему данный вред регрессного иска.

Считаем, что компенсации потерпевшим из средств государственного фонда необходимо назначать прежде всего в случаях, когда лицо, совершившее преступление, неизвестно или находится в «длительном» розыске, ибо согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики раскрываемость преступлений в 2013 г. от общего количества зарегистрированных преступлений (27 214) составила лишь 63,7 % (17 335). Не лучше обстояли дела и в 2014 г., когда из зарегистрированных 27 070 преступлений, лишь 17 893 (66,1 %) преступлений удалось раскрыть [9]. Таким образом, получается, что в 36,3 % – в 2013 г. и в 33,9 % – в 2014 г. случаях совершения преступления, потерпевшие от данных «нераскрытых» преступлений вообще не имели какой-либо возможности добиться возмещения причиненного им вреда. Кроме этого, не следует забывать и о латентных (не зарегистрированных) преступлениях, количество которых в разы превышает официально зарегистрированных.

Наряду с этим полагаем, что компенсацию со стороны государства необходимо назначать и в случаях установленной должным образом несостоятельности должника (подсудимого, гражданского ответчика). Ведь большая часть лиц, совершивших преступления, а их, как утверждает А.А. Бейшеева, более 60 %, относятся к малоимущим слоям населения, и на момент совершения преступления, задержания и дальнейшего осуждения – они нигде не работали [10, с. 21]. И как следствие этого, взыскание ущерба по исполнительным листам растягивается на неопределенное долгое время, а в некоторых случаях, не взыскивается вообще – ввиду отсутствия у большинства из них достаточных средств. В итоге получается, что в ряде случаев добиться возмещения вреда, причиненного преступлением, потерпевшему не удастся даже при наличии лица, обязанного в силу закона возместить данный вред. И потерпевший остается один на один со своими проблемами.

Однако при этом не следует преувеличивать возможности государственной компенсации потерпевшим. Для начала, по нашему мнению, компенсационные выплаты следует назначать потерпевшим, в отношении которых были совершены насильственные преступления, иначе именуемые уголовным законом как «Преступления против личности» (Раздел 7 УК КР). И это было бы вполне справедливо, так как потерпевшие по уголовным делам об убийстве, нанесении телесных повреждений, изнасиловании и др., после совершения преступления нередко

оказываются в тяжелом материальном и (или) психическом состоянии. Обусловлено это прежде всего материальными затратами, связанными с оказанием медицинской помощи, с временной утратой трудоспособности и, как следствие, потерей заработной платы, с организацией и проведением похорон, с утратой средств к существованию, в случаях, когда умерший (-ая) в результате преступного деяния, являлся единственным кормильцем и т.д. Разумеется, в последующем, компенсационные выплаты со стороны государства следует распространить и на потерпевших от других видов преступлений.

Более того, в законе необходимо четко определить основания и условия, при наличии которых у лиц, потерпевших от преступления, возникает право на возмещение причиненного вреда за счет государства. Считаем, что признание за ними права на компенсацию ущерба со стороны государства должно быть возложено на следователя (прокурора), ведущего расследование по делу. При этом компенсационные выплаты должны последовать лишь в случаях, когда: преступление осталось нераскрытым (неустановление лица, совершившего преступление или нахождение его в розыске), при наступлении смерти лица, совершившего преступление, и последнее – ввиду его несостоятельности. Дальнейший порядок установления фактических обстоятельств дела, причинно-следственной связи между преступлением и вредом, размера вреда и порядок возмещения должны быть разрешены судом путем рассмотрения соответствующего иска потерпевшего. Не исключается возможность принятия такого решения и по собственной инициативе суда, а также

в порядке гражданского судопроизводства. Однако во всех случаях решение вопроса о выплате компенсации со стороны государства должно производиться только на основе материалов уголовного дела. Это исключит случаи необоснованных выплат.

Отметим, что правовые нормы, предусматривающие выплату компенсации жертвам преступлений из специальных государственных или иных фондов, действуют во многих странах ближнего и дальнего зарубежья: Австралия, Австрия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, США, Финляндия, Франция, Япония и др.

При этом, сама логика общественного развития в этих странах указывает на то, что коль скоро члены общества платят налоги на содержание государственного аппарата, и, в том числе, на содержание правоохранительных органов, а государство не в состоянии обеспечить надлежащую безопасность своих граждан, оно и должно нести материальную ответственность за причиненный им в результате преступления ущерб. Компенсационные выплаты потерпевшим со стороны государства предусмотрены и в российском законодательстве, однако сфера их применения чрезвычайно узка. Дело в том, что компенсации со стороны государства предусмотрены лишь для потерпевших от террористических актов [11], по остальным преступлениям подобные компенсации не предусмотрены.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что одной из целей судебной реформы, проводимой в Кыргызской Республике [12, с. 143, с. 21], на наш взгляд, должно стать максимальное сокращение временного интервала между причинением вреда от преступления и его фактическим возмещением. Ведь, именно с этой целью, а равно с целью компенсации причиненного морального вреда, пострадавшие от преступления лица в большинстве случаев и вступают в уголовно-процессуальные правоотношения. И тот факт, что в целом ряде случаев потерпевшим не удается получить реальное вознаграждение за причиненный им вред, побуждает нас к изысканию новых способов удовлетворения их имущественных интересов, одним из (способов) которых и является компенсация со стороны государства из средств специально созданного для этих целей государственного фонда поддержки потерпевшим.

Литература

1. Статья 16 Конституции Кыргызской Республики, принятой референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года // газ. «Эркин Тоо». 2010. 6 июля. № 60.
2. Постановление Жогорку Кенеша КР от 16 апреля 2015 года № 4995-V «Об отчете Генерального прокурора Кыргызской Республики за 2014 год».
3. Информация о работе местных судов Кыргызской Республики за 2014 год: Рассмотрение уголовных дел // Бюллетень Верховного Суда Кыргызской Республики. 2015. № 1 (60). С. 134.
4. П. 2 ч. 1 ст. 74 проекта Уголовного кодекса КР // Официальный сайт Жогорку Кенеша КР: http://www.kenesh.kg/RU/Articles/27146-Obshhestvennoe_obsuzhdenie_proektov_UK_UPK_UIK_GPK_Kodeksa_KR_o_prostupkax_zakonov_Ob_ishp_olnitelnom_proizvodstve_i_o_statuse_sudebnyh_ispolnitelej_v_KR_O_garantirovannoj_gosudarstvom_yuridicheskoj_pomoshhi.aspx (дата обращения: 19.10.2015 г.).
5. Куватпеков К.Б. Гражданский иск в уголовном процессе (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук / К.Б. Куватпеков. М., 2014. С. 274.
6. Ларина Л. Ю., Пантюхина И. В. Некоторые проблемы компенсации вреда, причиненного потерпевшему в результате преступления // Юридическая наука / Л. Ю. Ларина., И.В. Пантюхина. 2015. № 1. С. 59-62. Дубровин В.В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 221.
7. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В. П. Божьев. М., 1975. С. 84.
8. Могилянский Л.Г. Куда уходит конфискат? / Л.Г. Могилянский // Российский адвокат, 2009. № 2. С. 27.
9. Официальный сайт Национального статистического комитета КР – <http://www.stat.kg/ru/statistics/prestupnost/> (дата обращения: 19.10.2015 г.).
10. Бейшеева А.А. Методика расследования краж имущества граждан в сельской местности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 21.
11. Ч. 1 ст. 18 Федерального закона РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. Федерального закона РФ от 8 ноября 2011 г. № 309-ФЗ) // Российская газета. 2006. 10 марта. № 48.
12. Указ Президента КР от 8 августа 2012 г. УП № 147 «О мерах по совершенствованию правосудия в Кыргызской Республике» // Бюллетень Верховного Суда КР. 2012 № 2 (55) С. 143-145; п. 2.8. Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на периоды 2013-2017 гг. Бишкек. 2012. С. 21.